

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ТЕЛЕГРАММЫ

ХАРЬКОВСКИХ ВѢДОМОСТЕЙ.
(От русск. телеграф. агентства).

БЕРЛИНЪ, 5 ІЮЛЯ. Новельно привести въ подвижное состояніе прусскую и баварскую арміи.

АНСТЕРДАНЪ, 5 ІЮЛЯ. Голландія сохранила нейтралитетъ въ войне Франціи съ Пруссіей.

ПЕТЕРБУРГЪ, 5 ІЮЛЯ. Но сложь иностранныхъ газетъ, Англія сохраняетъ полный нейтралитетъ.

ХАРЬКОВЪ, 6 ІЮЛЯ.

«Франція объявила войну Пруссіи» — таково послѣднее извѣстіе, принесенное намъ телеграфомъ. На этотъ разъ телеграфъ очень кратокъ и ясенъ; недоразумѣній, по видимому, нѣтъ въ его извѣстіи, и тѣмъ онъ поразительны. — Мы давно ожидали столкновенія между Франціею и Пруссіею; наше оно не удивляетъ, — говорятъ одни: «Это непостежимо, повѣрять трудно! Подождемъ извѣстій, болѣе подробныхъ» — говорятъ другіе, прочитавъ телеграмму. Не придавая значенія заподозримъ пророчествомъ, мы разсмотримъ предшествующія события.

Сильная непріязнь, дурно скрытая вражда противъ Пруссіи со стороны французовъ ни для кого не была тайною съ 1866 года. Блестящая шестинедельная кампания прусской арміи не давала покоя французамъ; пораженіе Австрии было, въ ихъ глазахъ, пятномъ собственной ихъ военной славы. Многіе не хотѣли простить Наполеону III того, что онъ остался постороннимъ зрителемъ прусско-австрійской войны и ограничился однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ. Съ тѣхъ поръ Франція не переставала зорко, можно сказать, ревниво, придирично слѣдить заполитику Пруссіи, за всѣми дѣйствіями короля Вильгельма и его правительства, за каждымъ шагомъ и даже за каждымъ словомъ политического вождя Германіи, графа Бисмарка. Заходить ли рѣчь о приведеніи въ дѣйствіе военныхъ договоровъ, заключенныхъ Пруссіею съ южно-германскими государствами, съ укрывшіемъ прусскихъ крѣпостей, объ открытии гаваней Вильгельма, о расширѣніи и укрывшіемъ кильской бухты, о спускѣ нового военна-го корабля, — французская газеты не оставляютъ безъ вниманія ни одного изъ этихъ фактovъ. Съ неменьшимъ интересомъ они слѣдятъ за препятствіями съверо-германскаго парламента о военномъ бюджетѣ. Все это хорошо извѣстно. Такое положеніе нельзя называть естественнымъ или нормальнымъ, тѣмъ болѣе что оно длится уже четыре года. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, объявление войны, если оно подтвердится дальнѣйшими извѣстіями, нельзя не признать быстрымъ и, для многихъ, неожиданнымъ шагомъ со стороны французского правительства. Всего 12 французъ прошло со времени засѣданія француз-

ской палаты, въ которомъ Грамонъ, отвѣчая на запросъ Кюшера по поводу кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна, на испанской престолѣ, выразилъ такъ: «Совершенно вѣрно, что маршалъ Примъ предложилъ принцу Леопольду испанскую корону и послѣдній принялъ ее; но народъ испанскій еще не высказалъ и намъ неизвѣстны подробнѣи переговоровъ, которые отъ насъ были скрыты. Поэтому пренія не поведутъ теперь ни къ какому практическому результату. Примъ въстъ господа, отсрочитъ ихъ. Мы не переставали показывать наше расположение къ испанскому народу и избѣгли всего, что могло показаться отъ нашей стороны вмѣшательствомъ во внутренній дѣлъ благородной и великой націи, пользуясь правомъ устроиться по своему. Мы не выходили изъ предѣловъ самой строгой нейтральности относительно различныхъ претендентовъ на престолъ и не показали своего предпочтенія или неудовольствія кому-нибудь изъ нихъ. Того-же образомъ мы держимся и теперь; но, по нашему мнѣнію, уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа не обязываетъ насъ допустить, чтобы иностранная держава, посыпивъ одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V, нарушила, къ невыгодѣ нашѣй, существовавшее досѣдѣ равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергла опасность интересы въ честь Франціи. Мы твердо вѣримъ, что ничего подобнаго не случится. Порокомъ въ томъ могутъ служить наше мудрость германскаго и дружба испанскаго народа. Если-же дѣло приметъ другой оборотъ, то мы, сильные ходорожко съ вашей стороны и всей націи, сумѣмъ выполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости.» Эта рѣчь была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе было прервано. По возобновленіи его черезъ нѣсколько времени, Олливье прибавилъ, отвѣчая Кремье, что правительство желаетъ мира, желаетъ его страстно (чесъ passion) и твердо уѣждено, что онъ не будетъ нарушенъ, такъ какъ Европа не откажется уступить законамъ требованій Франціи. Араго и Жюль Фавръ замѣтили: «вы объявили войнѣ! вамъ трудно уѣздить? На канунѣ итальянской кампаниіи говорили также». Эти замѣчанія вызвали сильный шумъ и крики со стороны болѣшевиковъ. Араго и Фавръ должны были замолчать. — Само собою разумѣется, что слухъ объ этомъ событии въ палатѣ тотчасъ же разнесся по Парижу и произвелъ сильное волненіе не только въ официальной сферѣ, но и въ публикѣ. Послѣ того начались сношения съ берлинскимъ кабинетомъ. Французскому посланнику Бенедетти поручено было обратиться къ королю прусскому въ Эмсѣ, чтобы получить отъ него объясненія. Берлинскій кабинетъ обзывалъ, что онъ положительно не заинтересованъ дѣлами принца Гогенцоллернаго; онъ воздерживался отъ всякой участіи въ избрании короля для Испаніи, считаю его и вперед будущий считать дѣломъ, касающимъ Испаніи и заѣмъ самаго кандидата на престолъ. Французское правительство по видимому, не удовольствовалось этимъ объясненіемъ и потребовало отъ прус-

ской короли, чтобы онъ побудилъ принца Гогенцоллернаго отклонить отъ себя испанскую корону. Король отказался принять послъ въ другой разъ и приказалъ сказать ему чрезъ дежурного адъютанта, что его величество ничего болѣе не имѣть сообщить.

Когда мы оканчивали эти строчки, телеграфъ принесъ помѣщенное выше извѣстіе изъ Берлина, что прусская и баварская арміи, приведены въ подвижное состояніе. Выражаясь технически, эти арміи выступили въ походъ. Иностранные и столичные газеты послѣдней почты сообщаютъ, что Бельгія послала военные силы для охраненія пограничныхъ съ Франціею железнодорожныхъ дорогъ и телеграфовъ. Французское правительство распорядилось вооружить 14 тяжелыхъ панцирныхъ судовъ въ Брестѣ и Шербургѣ, предназначаемыхъ, какъ думаютъ, для отправки въ Балтийское море.

Таково положеніе дѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Нельзя думать, чтобы дѣйствій мы держимся и теперь; но, по нашему мнѣнію, уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа не обязываетъ насъ допустить, чтобы иностранная держава, посыпивъ одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V, нарушила, къ невыгодѣ нашѣй, существовавшее досѣдѣ равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергла опасность интересы въ честь Франціи. Мы твердо вѣримъ, что ничего подобнаго не случится. Порокомъ въ томъ могутъ служить наше мудрость германскаго и дружба испанскаго народа. Если-же дѣло приметъ другой оборотъ, то мы, сильные ходорожко съ вашей стороны и всей націи, сумѣмъ выполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости.» Эта рѣчь была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе было прервано. По возобновленіи его черезъ нѣсколько времени, Олливье прибавилъ, отвѣчая Кремье, что правительство желаетъ мира, желаетъ его страстно (чесъ passion) и твердо уѣждено, что онъ не будетъ нарушенъ, такъ какъ Европа не откажется уступить законамъ требованій Франціи. Араго и Жюль Фавръ замѣтили: «вы объявили войнѣ! вамъ трудно уѣздить? На канунѣ итальянской кампаниіи говорили также». Эти замѣчанія вызвали сильный шумъ и крики со стороны болѣшевиковъ. Араго и Фавръ должны были замолчать. — Само собою разумѣется, что слухъ объ этомъ событии въ палатѣ тотчасъ же разнесся по Парижу и произвелъ сильное волненіе не только въ официальной сферѣ, но и въ публикѣ. Послѣ того начались сношения съ берлинскимъ кабинетомъ. Французскому посланнику Бенедетти поручено было обратиться къ королю прусскому въ Эмсѣ, чтобы получить отъ него объясненія. Берлинскій кабинетъ обзывалъ, что онъ положительно не заинтересованъ дѣлами принца Гогенцоллернаго; онъ воздерживался отъ всякой участіи въ избрании короля для Испаніи, считаю его и вперед будущий считать дѣломъ, касающимъ Испаніи и заѣмъ самаго кандидата на престолъ. Французское правительство по видимому, не удовольствовалось этимъ объясненіемъ и потребовало отъ прус-

ской короли, чтобы онъ побудилъ принца Гогенцоллернаго отклонить отъ себя испанскую корону. Король отказался принять послъ въ другой разъ и приказалъ сказать ему чрезъ дежурного адъютанта, что его величество ничего болѣе не имѣть сообщить.

Когда мы оканчивали эти строчки, телеграфъ принесъ помѣщенное выше извѣстіе изъ Берлина, что прусская и баварская арміи, приведены въ подвижное состояніе. Выражаясь технически, эти арміи выступили въ походъ. Иностранные и столичные газеты послѣдней почты сообщаютъ, что Бельгія послала военные силы для охраненія пограничныхъ съ Франціею железнодорожныхъ дорогъ и телеграфовъ. Французское правительство распорядилось вооружить 14 тяжелыхъ панцирныхъ судовъ въ Брестѣ и Шербургѣ, предназначаемыхъ, какъ думаютъ, для отправки въ Балтийское море.

Таково положеніе дѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Нельзя думать, чтобы дѣйствій мы держимся и теперь; но, по нашему мнѣнію, уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа не обязываетъ насъ допустить, чтобы иностранная держава, посыпивъ одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V, нарушила, къ невыгодѣ нашѣй, существовавшее досѣдѣ равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергла опасность интересы въ честь Франціи. Мы твердо вѣримъ, что ничего подобнаго не случится. Порокомъ въ томъ могутъ служить наше мудрость германскаго и дружба испанскаго народа. Если-же дѣло приметъ другой оборотъ, то мы, сильные ходорожко съ вашей стороны и всей націи, сумѣмъ выполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости.» Эта рѣчь была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе было прервано. По возобновленіи его черезъ нѣсколько времени, Олливье прибавилъ, отвѣчая Кремье, что правительство желаетъ мира, желаетъ его страстно (чесъ passion) и твердо уѣждено, что онъ не будетъ нарушенъ, такъ какъ Европа не откажется уступить законамъ требованій Франціи. Араго и Жюль Фавръ замѣтили: «вы объявили войнѣ! вамъ трудно уѣздить? На канунѣ итальянской кампаниіи говорили также». Эти замѣчанія вызвали сильный шумъ и крики со стороны болѣшевиковъ. Араго и Фавръ должны были замолчать. — Само собою разумѣется, что слухъ объ этомъ событии въ палатѣ тотчасъ же разнесся по Парижу и произвелъ сильное волненіе не только въ официальной сферѣ, но и въ публикѣ. Послѣ того начались сношения съ берлинскимъ кабинетомъ. Французскому посланнику Бенедетти поручено было обратиться къ королю прусскому въ Эмсѣ, чтобы получить отъ него объясненія. Берлинскій кабинетъ обзывалъ, что онъ положительно не заинтересованъ дѣлами принца Гогенцоллернаго; онъ воздерживался отъ всякой участіи въ избрании короля для Испаніи, считаю его и вперед будущий считать дѣломъ, касающимъ Испаніи и заѣмъ самаго кандидата на престолъ. Французское правительство по видимому, не удовольствовалось этимъ объясненіемъ и потребовало отъ прус-

ской короли, чтобы онъ побудилъ принца Гогенцоллернаго отклонить отъ себя испанскую корону. Король отказался принять послъ въ другой разъ и приказалъ сказать ему чрезъ дежурного адъютанта, что его величество ничего болѣе не имѣть сообщить.

Когда мы оканчивали эти строчки, телеграфъ принесъ помѣщенное выше извѣстіе изъ Берлина, что прусская и баварская арміи, приведены въ подвижное состояніе. Выражаясь технически, эти арміи выступили въ походъ. Иностранные и столичные газеты послѣдней почты сообщаютъ, что Бельгія послала военные силы для охраненія пограничныхъ съ Франціею железнодорожныхъ дорогъ и телеграфовъ. Французское правительство распорядилось вооружить 14 тяжелыхъ панцирныхъ судовъ въ Брестѣ и Шербургѣ, предназначаемыхъ, какъ думаютъ, для отправки въ Балтийское море.

Таково положеніе дѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Нельзя думать, чтобы дѣйствій мы держимся и теперь; но, по нашему мнѣнію, уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа не обязываетъ насъ допустить, чтобы иностранная держава, посыпивъ одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V, нарушила, къ невыгодѣ нашѣй, существовавшее досѣдѣ равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергла опасность интересы въ честь Франціи. Мы твердо вѣримъ, что ничего подобнаго не случится. Порокомъ въ томъ могутъ служить наше мудрость германскаго и дружба испанскаго народа. Если-же дѣло приметъ другой оборотъ, то мы, сильные ходорожко съ вашей стороны и всей націи, сумѣмъ выполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости.» Эта рѣчь была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе было прервано. По возобновленіи его черезъ нѣсколько времени, Олливье прибавилъ, отвѣчая Кремье, что правительство желаетъ мира, желаетъ его страстно (чесъ passion) и твердо уѣждено, что онъ не будетъ нарушенъ, такъ какъ Европа не откажется уступить законамъ требованій Франціи. Араго и Жюль Фавръ замѣтили: «вы объявили войнѣ! вамъ трудно уѣздить? На канунѣ итальянской кампаниіи говорили также». Эти замѣчанія вызвали сильный шумъ и крики со стороны болѣшевиковъ. Араго и Фавръ должны были замолчать. — Само собою разумѣется, что слухъ объ этомъ событии въ палатѣ тотчасъ же разнесся по Парижу и произвелъ сильное волненіе не только въ официальной сферѣ, но и въ публикѣ. Послѣ того начались сношения съ берлинскимъ кабинетомъ. Французскому посланнику Бенедетти поручено было обратиться къ королю прусскому въ Эмсѣ, чтобы получить отъ него объясненія. Берлинскій кабинетъ обзывалъ, что онъ положительно не заинтересованъ дѣлами принца Гогенцоллернаго; онъ воздерживался отъ всякой участіи въ избрании короля для Испаніи, считаю его и вперед будущий считать дѣломъ, касающимъ Испаніи и заѣмъ самаго кандидата на престолъ. Французское правительство по видимому, не удовольствовалось этимъ объясненіемъ и потребовало отъ прус-

ской короли, чтобы онъ побудилъ принца Гогенцоллернаго отклонить отъ себя испанскую корону. Король отказался принять послъ въ другой разъ и приказалъ сказать ему чрезъ дежурного адъютанта, что его величество ничего болѣе не имѣть сообщить.

Когда мы оканчивали эти строчки, телеграфъ принесъ помѣщенное выше извѣстіе изъ Берлина, что прусская и баварская арміи, приведены въ подвижное состояніе. Выражаясь технически, эти арміи выступили въ походъ. Иностранные и столичные газеты послѣдней почты сообщаютъ, что Бельгія послала военные силы для охраненія пограничныхъ съ Франціею железнодорожныхъ дорогъ и телеграфовъ. Французское правительство распорядилось вооружить 14 тяжелыхъ панцирныхъ судовъ въ Брестѣ и Шербургѣ, предназначаемыхъ, какъ думаютъ, для отправки въ Балтийское море.

Таково положеніе дѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Нельзя думать, чтобы дѣйствій мы держимся и теперь; но, по нашему мнѣнію, уваженіе къ правамъ сосѣднаго народа не обязываетъ насъ допустить, чтобы иностранная держава, посыпивъ одного изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V, нарушила, къ невыгодѣ нашѣй, существовавшее досѣдѣ равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергла опасность интересы въ честь Франціи. Мы твердо вѣримъ, что ничего подобнаго не случится. Порокомъ въ томъ могутъ служить наше мудрость германскаго и дружба испанскаго народа. Если-же дѣло приметъ другой оборотъ, то мы, сильные ходорожко съ вашей стороны и всей націи, сумѣмъ выполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости.» Эта рѣчь была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе было прервано. По возобновленіи его черезъ нѣсколько времени, Олливье прибавилъ, отвѣчая Кремье, что правительство желаетъ мира, желаетъ его страстно (чесъ passion) и твердо уѣждено, что онъ не будетъ нарушенъ, такъ какъ Европа не откажется уступить законамъ требованій Франціи. Араго и Жюль Фавръ замѣтили: «вы объявили войнѣ! вамъ трудно уѣздить? На канунѣ итальянской кампаниіи говорили также». Эти замѣчанія вызвали сильный шумъ и крики со стороны болѣшевиковъ. Араго и Фавръ должны были замолчать. — Само собою разумѣется, что слухъ объ этомъ событии въ палатѣ тотчасъ же разнесся по Парижу и произвелъ сильное волненіе не только въ официальной сферѣ, но и въ публикѣ. Послѣ того начались сношения съ берлинскимъ кабинетомъ. Французскому посланнику Бенедетти поручено было обратиться къ королю прусскому въ Эмсѣ, чтобы получить отъ него объясненія. Берлинскій кабинетъ обзывалъ, что онъ положительно не заинтересованъ дѣлами принца Гогенцоллернаго; онъ воздерживался отъ всякой участіи въ избрании короля для Испаніи, считаю его и вперед будущий считать дѣломъ, касающимъ Испаніи и заѣмъ самаго кандидата на престолъ. Французское правительство по видимому, не удовольствовалось этимъ объясненіемъ и потребовало отъ прус-

ской короли, чтобы онъ побудилъ принца Гогенцоллернаго отклонить отъ себя испанскую корону. Король отказался принять послъ въ другой разъ и приказалъ сказать ему чрезъ дежурного адъютанта, что его величество ничего болѣе не имѣть сообщить.

Когда мы оканчивали эти строчки, телеграфъ принесъ помѣщенное выше извѣстіе изъ Берлина, что прусская и баварская арміи, приведены въ подвижное состояніе. Выражаясь технически, эти арміи выступили въ походъ. Иностранные и столичные газеты послѣдней почты сообщаютъ, что Бельгія послала военные силы для охраненія пограничныхъ съ Франціею железнодорожныхъ дорогъ и телеграфовъ. Французское правительство распорядилось вооружить 14 тяжелыхъ панцирныхъ судовъ въ Брестѣ и Шербургѣ, предназначаемыхъ, какъ думаютъ, для отправки въ Бал

